

Струкова Екатерина Алексеевна

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ ТЕМАТИКА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ. ИСТОРИЯ И ТВОРЧЕСТВО - МАГИСТРАЛЬНЫЕ ТЕМЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО РОМАНА

Статья освещает некоторые дискуссионные вопросы мультикультурной и постколониальной литературы. На материале романов Дж. М. Кутзее и С. А. Рушди рассматриваются магистральные темы постколониального дискурса - отражение исторических событий в творчестве, относительность истории, взаимоотношения родной и чужой культур, проблема "исторической вины", миссия творческой личности в переломную эпоху. Основное внимание автор акцентирует на тематике англоязычного мультикультурного романа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 175-178. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 82.0

Филологические науки

Статья освещает некоторые дискуссионные вопросы мультикультурной и постколониальной литературы. На материале романов Дж. М. Кутзее и С. А. Рушди рассматриваются магистральные темы постколониального дискурса – отражение исторических событий в творчестве, относительность истории, взаимоотношения родной и чуждой культур, проблема «исторической вины», миссия творческой личности в переломную эпоху. Основное внимание автор акцентирует на тематике англоязычного мультикультурного романа.

Ключевые слова и фразы: мультикультурная литература; постколониальная литература; постколониальный дискурс; поиск идентичности; гибридность; жанр романа.

Струкова Екатерина Алексеевна

Московский педагогический государственный университет
strukova1409@mail.ru

**МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ ТЕМАТИКА
В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ. ИСТОРИЯ И ТВОРЧЕСТВО – МАГИСТРАЛЬНЫЕ ТЕМЫ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО РОМАНА©**

В последние десятилетия XX века термин «постколониальная литература» прочно вошел в зарубежное литературоведение. Под данным термином мы понимаем «творчество народов, ранее колонизированных Британией» [8, р. 1]. Одной из магистральных тем постколониальной и мультикультурной литературы становится история, которая понимается многими современными писателями как некий универсальный текст, требующий переосмысления, а иногда и исправления. Известные исторические события и сюжеты получают в прозе писателей-мультикультуристов новое оформление, обусловленное постколониальной действительностью. Миф и история перерабатываются, порождая некий неомифологический контекст. История, творчество и память становятся ключевыми парадигмами постколониального дискурса, с помощью которых герои выстраивают свою идентичность.

Анализируя творчество мультикультурных писателей, представляется необходимым рассмотреть основные проблемы, связанные с темами истории, памяти и творчества как сублимата первых двух категорий: отражение исторических событий в творчестве, относительность истории, взаимоотношения родной и чуждой культуры, проблема «исторической вины», миссия творческой личности в переломную эпоху. Указанные темы крайне актуальны и обретают все большее значение для мультикультурной литературы.

Ведущим жанром, к которому обращаются мультикультурные писатели, выходцы из бывших колоний Великобритании, становится роман. Исследователь С. П. Толкачев выделяет три главных фактора, которые способствовали распространению романной формы в постколониальном мультикультурном пространстве: 1) репрезентативная природа романа; 2) многоязычная структурная сущность романа; 3) универсальность функции хронотопы в романе [6]. Актуально также для нас определение постколониального романа, которое дает в одном из своих эссе С. Рушди: «роман децентрализованный, транснациональный, интерлингвальный, межкультурный» [5, с. 73].

Текст, который возникает в точке пересечения нескольких культур, то есть текст «мультикультурный», несомненно, требует особого подхода. Исследователю необходимо принимать во внимание такие факторы как личность автора, его образование и воспитание, вероисповедание и т.д. Мультикультурный писатель – «современный этнограф своей собственной культуры и одновременно ее интерпретатор» [6, с. 12]. Г. Чхартишвили замечает, что «новая “восточнозападная” литература обладает явными признаками андрогинности: при одной голове у нее два лица (одно обращено к восходу, другое к закату), два сердца, двойное зрение и максимально устойчивый опорно-двигательный аппарат» [7, с. 258]. Результатом творчества писателей-мультикультуристов становится появление некоего «третьего пространства» литературы и культуры, которое является площадкой для переоценки сложившихся стереотипов.

Круг современных постколониальных и мультикультурных писателей очень широк. В Великобритании, США, Японии и Канаде современную литературу представляют выходцы со всех континентов и регионов бывшего колониального пространства: Ближнего Востока и Африки, Юго-Восточной Азии и стран Карибского бассейна. В литературу входит новое поколение британских писателей, в творчестве которых синтезируются лучшие традиции Запада и Востока. Многие из этих писателей уже широко известны в отечественной читательской среде. Назовем имена только некоторых из них. Южноафриканский писатель и литературный критик Джон Максвелл Кутзее, долгое время проживавший в США, а затем эмигрировавший в Австралию, лауреат Нобелевской премии по литературе (2003), дважды лауреат премии Букер; сын индийского мусульманина Салман Рушди, который получил образование в Кембридже и стал одним из влиятельнейших современных английских прозаиков; Видиа Найпол, родившийся в Вест-Индии на острове Тринидад, лауреат Нобелевской премии по литературе (2001); Бен Окри – британец африканского происхождения, лауреат Букеровской премии (1991); Ханиф Курейши – писатель и драматург, который родился в Англии в семье иммигрантов с Востока, и др. «Произведения писателей-мигрантов, как становится ясно из их текстов, создаются с точки зрения эмоционального опыта социальной маргинальности и повествуют о той экстремальной ситуации, в которую каждый из них попадает в силу своей культурной двойственности» [6, с. 32].

Известный современный американский литературовед и культуролог арабского происхождения Эдвард Саид предложил концепцию «путешествия в иное пространство» («the voyage-in») [9, p. 239-241]. Данная концепция объясняет, как писатели-мигранты создают новую, альтернативную существующей версии действительности. Через свои произведения мультикультурные писатели заявляют о том, что постколониальный мир теперь является не «самым темным местом на земле» (Дж. Конрад); он становится авансценой напряженных дискуссий, которые непременно должны быть услышаны и приняты обществом во внимание.

Отметим, что понятие «постколониальная литература» включает в себя два основных направления. Как отмечает О. Г. Сидорова, это, с одной стороны, произведения на английском языке, написанные жителями бывших британских колоний, к которым мы можем отнести творчество Дж. М. Кутзее, а с другой стороны, – творчество граждан Великобритании, не принадлежащих к белой расе, например, произведения С. Рушди. Через диалектическое противопоставление столь разной, на первый взгляд, прозы двух писателей можно прийти к общей модели мультикультурной литературы. Кутзее и Рушди являются представителями различных языковых и ментальных культур, но их роднит тот факт, что они являются носителями исторической и культурной памяти нескольких народов. Кутзее, уроженец ЮАР, но довольно долгое время проживавший в Великобритании и впитавший корневые парадигмы английской культуры, представляет собой тип экспериментирующего сознания, своего рода «перекасти-поля», которое постоянно меняет свое обличье. Рушди через многоярусное повествование своих романов также создает собственную модель мира, в основе которой опыт двух культур [3]. М. Салганик отмечает, что Рушди, «вероятно, следует отнести к классу земноводных: он обитатель двух культурных сред, восточной и западной, каждую из которых он знает изнутри и извне. Двойное зрение позволяет ему с особенной отчетливостью разглядеть “алогизм привычного” в обеих средах своего обитания» [2, с. 230].

История и творчество – магистральные темы современного мультикультурного романа. Свой взгляд на историю писатели выражают через образы героев, многих из которых они наделяют необычайным талантом. И это неслучайно. Через образ творческой личности и Кутзее, и Рушди передают характер исторического процесса – его переменчивость, революционность или эволюционность, его оборотничество. Знакомясь с романами мультикультурных писателей, читатель по-новому смотрит на тот или иной исторический период; авторы приглашают нас к диалогу, смещая акценты в восприятии событий истории. Анализируя творчество Кутзее и Рушди, можно выявить механизмы реконструкции событий мировой истории в ее переломные моменты, проследить, какие стороны творческой личности оказываются наиболее чувствительными для понимания глубинных извивов истории, скрытых от глаз обывателя.

Мультикультурные писатели часто берут за основу известный сюжет и перерабатывают его, создавая вариации на тему. Таким образом, они «корректируют» историю, а во многих случаях и опровергают колониальную точку зрения на ход тех или иных исторических событий. Среди самых популярных западных текстов, типичных примеров «английской книги» (Х. Бхаба), которые используются в качестве источника сюжетов в постколониальной литературе, – «Робинзон Крузо» Д. Дефо и «Буря» У. Шекспира.

Роман Кутзее «Мистер Фо» относится к так называемым «постколониальным ответам» (англ. «postcolonial responses to») [3, с. 259-260] – особому типу текстов, авторы которых берут за основу литературные произведения колониального дискурса и, используя их мотивы и темы, создают тексты постколониального дискурса. Кутзее переписывает биографию Даниэля Дефо, смешивая ее с историями некоторых персонажей его книг. Писатель неслучайно обращается к истории колониальной Англии: через спор двух героев-сочинителей – профессионального писателя Даниэля Дефо и обычной женщины Сьюзен Бартон – автор поднимает проблему притеснения «другого» и пытается вернуть право голоса жителям колоний, которых Империя заставила замолчать. В поисках ответа на животрепещущие вопросы истории и культуры герои Кутзее пересматривают ход колониальной истории: «...людей нельзя делить на дикарей и англичан, и побуждения, переполняющие сердце Пятницы, не выразишь словами “принеси”, “копай”, “яблоко”, даже словами “корабль” и “Африка”. В нем всегда будет звучать голос сомнения» [1, с. 153], – говорит главная героиня романа Сьюзен.

Кутзее заявляет о том, что история – не данность, и иногда она отражает действительность в искаженном виде. Подобный взгляд разделяет и Рушди, рассуждая об относительности истории и возможных вариантах ее интерпретации в романе «Земля под ее ногами»: «Невозможные истории, истории, “вход” в которые “воспрещен”, меняют нашу жизнь, наше сознание не менее часто, чем авторизованные версии, те, что подаются нам как правдоподобные, на которых нам предлагают или же велят основывать наши суждения и нашу жизнь» [4, с. 241]. Несомненно, что на взглядах Рушди, как и Кутзее, сказывается влияние постмодернистского толкования истории. Приверженцы постмодернизма считают, что на самом деле мы имеем дело не с историей, а с текстами, которые можно интерпретировать по-разному. Постколониальные и мультикультурные писатели говорят о том, в современном мире история стала предметом спора. «На осколках Империи, в век сверхдержав, под “пятой” предвзятых упрощений... мы более не в состоянии с прежней легкостью приходить к согласию относительно того, какими были события на самом деле», – отмечает С. Рушди [5, с. 84].

Роман Рушди «Земля под ее ногами», несомненно, можно поставить в один ряд с романом Кутзее «Мистер Фо». И если Кутзее обращается к истории колониальной Англии, то историческим фоном, на котором происходят события романа Рушди, становятся Индия, Англия и Америка второй половины XX века. Мир, в котором живут герои Рушди, крайне противоречив: «Мы ложимся спать, считая (возьмем наугад) г-на Н. М. или г-на Г. А. известным террористом, а просыпаемся и объявляем его спасителем своего народа» [4, с. 432]. Ко всему прочему, вторая половина XX века – это время не только перемен, но и трагических исторических событий, свидетелями которых становятся герои романа. Распад империи стал для Великобритании основным событием в истории XX века, равным по значимости двум мировым войнам. Получение политической независимости английскими колониями было длительным: страны отделялись от империи одна за другой, и весь процесс

растянулся на несколько десятилетий, но в сознании большинства британцев именно отделение Индии в 1947 году стало событием, после которого распад империи принял необратимый характер. Отделение Британской Индии сопровождалось ее разделением на два государства – Индию и Пакистан, что обернулось кровопролитными многолетними конфликтами на религиозной почве между индустами и мусульманами, из-за которых миллионы людей были вынуждены мигрировать и менять место жительства. Эти факторы заставляли многих англичан, особенно тех, чья жизнь была напрямую связана с Индией, задаться вопросом об ответственности метрополии перед колониями, переосмыслить историю отношений двух стран. Это «были дни всеобщей растерянности и утраты ориентиров для столпов общества – сателлитов британского присутствия в Индии. Самоубийства и депрессии стали обычным делом» [Там же, с. 63-64]. Время, описанное в романе, – эпоха заката и крушения империи, период потери ориентиров, в который «наэлектризованное общество стояло перед началом своей трансформации» [Там же, с. 57]. Многие люди зашли в тупик и не знали, как жить дальше.

Раньше других потерю ориентиров стали ощущать люди творческие – музыканты, фотографы, художники. Именно они и заметили первые предвестники грядущей исторической катастрофы, уловив начинающиеся изменения в окружающей действительности, и восприняли происходящее серьезнее, чем все остальные. Главный герой романа, музыкант Ормус, говорит о существовании некоего другого мира, который «прорывается через хрупкую защиту нашего континуума. Если дело пойдет совсем плохо, ткань реальности может распасться» [Там же, с. 426]. Трагические события этого периода, а также начинающиеся в мире трансформации получают отклик в искусстве. В контексте происходящего увеличивается роль творческой личности. Более того, в эпоху расколотости и двойственности появляется новый тип творческой личности – художник-хамелеон, характеристику которому дал еще в начале XIX века поэт Джон Китс. Именно хамелеонство дает возможность творческой личности приспособиться к современной действительности. Символично, что все главные герои романа Рушди – в той или иной степени хамелеоны. Ормус Кама «принимает защитный окрас, предлагаемый ему его визави» [Там же, с. 355]. Покидая Англию и отправляясь в Америку, Ормус «без малейшего сожаления сбрасывает старую кожу, пересекает эту границу, словно ее не существует, – как змея, как трансформер» [Там же, с. 303]. Иногда «невозможно было предсказать, что за человек под ее кожей на этот раз. Мягкий или жесткий, безмятежный или вздорный, веселый или грустный: своей непредсказуемостью она могла соперничать с Морским Старцем, что преобразуется снова и снова всякий раз, когда пытаешься его схватить» [Там же, с. 150]. А фотограф Рай, «неиндийский индеец, человек Востока, лишенный его духовности» [Там же, с. 413], признается, что достиг совершенства в профессии только тогда, когда перестал задумываться над тем, зачем он фотографирует, когда растворился в работе и стал невидимкой. Во второй половине XX века, в переломную историческую эпоху люди перестают делиться по расовому или языковому признаку, их можно только отнести к хамелеонам, людям-трансформерам, быстро подстраивающимся под окружающую действительность, и нехамелеонам.

Творчество помогает преодолеть двойственность мира, найти внутреннее равновесие и утерянную гармонию не только для себя, но и для человечества в целом. В эпоху трансформации миссия творческой личности – дать надежду людям, которые невольно оказались в воронке истории. Творчество становится спасением не только для самого художника, но и для поклонников его таланта: «...в эти смутные времена только рок-музыка в этой стране способна художественно осмыслить гибель ее детей: это не просто умиротворяющая музыка, некое психотропное средство – это музыка ярости, ужаса и отчаяния» [Там же, с. 322].

Роман Рушди «Земля под ее ногами» густо «населен» творческими личностями – музыкантами, архитекторами, писателями, фотографами. Каждый из них создает свою историю. Из пестрой мозаики этих историй и складывается образ окружающей действительности. Примечательно, что Рушди, как и Кутзее, не выдвигает описание исторических событий на первый план. Напротив, он рассказывает нам частные истории, и уже через их восприятие мы восстанавливаем и интерпретируем ход исторических событий. Лишь иногда в ткань повествования вклиниваются небольшие, но очень емкие исторические отступления: «Британцы верят в бога, но предпочитают телевизор, как показывают результаты социологических опросов. Китай создал атомную бомбу. Индия и Пакистан на грани войны. А Англия раскачивается, как чертов маятник» [Там же, с. 334]. Каждый из героев романа ищет свой выход из трагической исторической ситуации.

Мультикультурные писатели Дж. М. Кутзее и С. Рушди конструктивно используют в своем творчестве такие качества романной формы как ее репрезентативность, гетероглоссная структура, универсальность функции хронотопа, поскольку эта форма призвана озвучивать голоса людей в поддержку их собственной идентичности и истории. Тематика произведений мультикультурных писателей достаточно разнообразна, хотя магистральными темами являются следующие: изображение истории в переломные моменты, восприятие «другого» и его культурных ценностей, соотношение истории и литературы, миссия творческой личности в современном мире.

Список литературы

1. Кутзее Дж. М. Мистер Фо. СПб.: Амфора, 2004. 415 с.
2. Салганик М. О благотворности сомнений // Иностранная литература. 1989. № 9. С. 225-233.
3. Сидорова О. Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. 262 с.
4. Рушди С. Земля под ее ногами. СПб.: Амфора, 2008. 719 с.
5. Рушди С. Шаг за черту. СПб.: Амфора, 2010. 526 с.
6. Толкачев С. П. Мультикультурный контекст современного английского романа. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2003. 404 с.
7. Чхартишвили Г. Но нет Востока и Запада нет // Иностранная литература. 1996. № 9. С. 254-264.
8. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. The Empire Writes Back. L. – N.Y.: New Accents, 1989. 296 p.
9. Said E. W. Culture and imperialism. N.Y.: Vintage, 1993. 380 p.

MULTICULTURALISM AND POSTCOLONIAL THEMES IN LITERARY PROCESS. HISTORY AND CREATIVE WORK – MAIN THEMES OF THE ENGLISH MULTICULTURAL NOVEL

Strukova Ekaterina Alekseevna
Moscow State Pedagogical University
strukova1409@mail.ru

The article takes up some debatable questions of multicultural and postcolonial literature. By the material of the novel by J. M. Coetzee and S. A. Rushdie the main themes of postcolonial discourse such as the presentation of historical events in creative work, the relativity of history, the relationship of native and foreign cultures, the problem of “historical guilt”, creative personality’s mission in crucial epoch are considered. The author gives the special attention to the themes of the English language multicultural novel.

Key words and phrases: multicultural literature; postcolonial literature; postcolonial discourse; search of identity; hybridity; genre of novel.

УДК 811.161.1'373

Филологические науки

В статье рассматриваются топонимы Муромского края, сохранившиеся до настоящего времени. Анализируется история их возникновения, объясняется происхождение населенных пунктов исследуемой территории, делаются выводы о том, что наиболее древний пласт названий мог быть образован от финно-угорских языков (эзянского и мокшанского или их диалекта).

Ключевые слова и фразы: анализ; мокшанский язык; муромское население; название; населенный пункт; происхождение; селище; эзянский язык; языковая принадлежность.

Сывороткин Михаил Михайлович, д. филол. н.

Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
oid@mivigu.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ МУРОМСКОГО КРАЯ©

История любого народа сохраняется в его языке, культуре, традициях. Кроме того, об этом многое могут сказать данные топонимики и гидронимии.

В этой статье объектом нашего исследования будут названия населённых пунктов Муромского края как составная часть той информации, которую можно узнать о людях, проживавших прежде и живущих сейчас на исследуемой территории.

Само понятие «Муромский край» мы воспринимаем в более широком плане, чем границы современного Муромского района Владимирской области, т.к. на протяжении столетий они не были постоянными.

По свидетельству археологов, историков, лингвистов, самыми древними поселенцами на данной территории были финно-угры, в частности народность **мурома**, которая занимала земли по лево- и правобережью р. Оки в нижнем её течении. Однако мнения учёных расходятся в отношении как культурной принадлежности древней **муромы**, так и языка, на котором она говорила.

Мы попытаемся дать историко-этимологический анализ многих населённых пунктов этой территории, сохранившихся до наших дней, и на его основе определить их языковую принадлежность.

Естественно, что наиболее древний топонимический пласт составляют названия, связанные с автохтонным, муромским, населением. Как пишет А. И. Попов, «основанием для отнесения **муромы** к финно-угорской общности стало единственное оставшееся от языка племени слово – его название... Топо- и гидронимика региона позволяют отнести **мурому** к поволжско-финскому племени, по языку близкому к мордве, но отличающемуся заметным своеобразием [6, с. 101-102]. По мнению Л. А. Голубевой, «наиболее распространённым типом поселения муромы являлось селище... Располагаются селища обычно на высоком плато коренного берега небольших рек, в пойме которых имеются заливные луга» [2, с. 83]. Очень подробную информацию о роде деятельности древней **муромы** находим у А. И. Смирнова, который писал: «Как показывает материал могильников и городищ, мордовские племена, живя в своих лесах, не были изолированы от окружающего мира. Близкий материал характеризует и **мурому** того времени. В области политической организации **мурома** точно так же, по-видимому, была объединена в союз племён. Косвенным показателем является наличие большого числа неукреплённых посёлков-заимок. Этот факт свидетельствует об ослаблении опасности набегов соседей, об относительной безопасности жизни. А такую обстановку в тех условиях мог создать только союз родственных племён» [9, с. 139-140]. Учитывая эти факты, надо полагать, что селища и заимки были весьма немногочисленными как по своему количеству, так и по находившемуся в них населению. Все населённые пункты, сохранившиеся в Муромском крае, можно условно разделить на несколько пластов, в зависимости от времени их возникновения и исторических событий, которые происходили на этой территории.